

Понедельник, 11 октября 1937 г., № 47 (393)

АКТЕРЫ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Добронравов

характерных ролей. Но когда Петровский сыграл Крутицкого в «Не было ни гроша», он вдруг утратил внутреннюю актерскую свободу, и это разрушило весь замысел исполнителя. Была внешняя характерность, жанровая отделка, но образ исчез на спектаклях. Наоборот, у Добронравова в роли Яши в «Вишневом саде» внешняя характерность, яркие детали не соперничают с «внутренним содержанием» образа, а являются его органической частью.

Измутительно ощущение Добронравовым правды на сцене. Уже с первых репетиций он никогда не ошибается в оценке, что правдиво и что фальшиво. Как у музыканта бывает абсолютный слух, так у актера Добронравова всегда есть какое-то внутреннее безошибочное ощущение правды. И именно отсюда — убедительность и обаяние созданных им образов. В этом тайна его актерского «нутра».

Добронравов живой и тонко реагирующий на свое сценическое окружение актер. Для партнера нет удобнее товарища по игре, чем Добронравов. Когда это необходимо, он без труда «вытаскивает» партнера. Если партнер начинает почему-либо менять манеру своей игры в старом спектакле, Добронравов в порядке импровизации, живого общения с партнером тут же меняет и все свои «приспособления». На одном из спектаклей «Платона Кречета» мы решили с Добронравовым свободно импровизировать новые мизансцены вместо ранее установленных, надоевших. Этого, может быть, делать не следовало, но опыт удался блестяще.

Есть у Добронравова, конечно, и серьезные недостатки. Самый большой из них, от которого он, впрочем, без труда может освободиться, состоит в том, что временами он не совсем глубоко верит в силу своих актерских средств. Тогда он начинает прибегать к некоторому нажиму, и игре «на публику». В первых спектаклях «Грозы» он с необычайной строгостью и тонкостью играл Тихона Кабанова. Убедительность этого образа была захватывающей. Но впоследствии он — то ли увлеченный приемом публики, то ли потому, что убедительность прежней игры ему показалась недостаточной, — стал немного переигрывать. То же самое случилось еще раньше с ним в ролях Мышлаевского и Кречета.

Есть и некоторая невравстичность в актерской манере Добронравова, но она для него не типична, не органична. Думаю, что она также — результат неправильного отношения актера к реакции зрительного зала на отдельные приемы его игры. Добронравов ни в какой мере не «любовник-неврастеник». Например, Освальда в «Привидениях», я думаю, он бы не сыграл. Так же как он не сыграл бы и Фердинанда или героев шекспировских трагедий. Нет, западная классическая трагедия — не его репертуар. Борис Георгиевич Добронравов русский национальный актер в точном значении этого слова. Лонахин в «Вишневом саде» — характерный русский персонаж, типичные черты русского интеллигента мы найдем в Мышлаевском, типично национальный характер — Платон Кречет и большевик Листрат, которого Добронравов будет играть в «Земле».

Добронравову безусловно приуще и чувство юмора (напомню сцену в I акте «Грозы», в которой Тихон разговаривает с Катериной и Варварой, а сам все собирается уйти поскорее в кабак), но он им не злоупотребляет. Так же как он в силу художественного такта не пользуется на сцене своего чудесного дара имитации и пародирования. За кулисами Добронравов славится как мастер пародии. Он пародирует решительно всех известных ему людей. Но разве зритель мог бы когда-нибудь заподозрить этого актера в шаржировании или даже просто в холодном подражании натуре?

Яшу в «Вишневом саде» Добронравов играет очень остро, но от гротеска он далек. Мне кажется, что Добронравову при его необычайно чувствительной актерской натуре не трудно сыграть и гротесковую роль. Но гротеск был бы содержанием, сутью этого образа, а отнюдь не средством его воплощения.

Я наблюдаю Добронравова постоянно, ибо работаю с ним на одной сцене в течение многих лет. В каждой новой пьесе он мне кажется новым, как бы неизвестным дотоле актером. И в то же время я вижу ясно, что Добронравов все тот же, давно знакомый мне многогранный характерный русский актер, актер с удивительным темпераментом и поразительным даром «вживаться» в каждый творимый им образ.

В. ТОПОРКОВ

Добронравов по характеру творчества один из наиболее близких мне актеров современности. В чем секрет его мастерства? Он в совершенстве владеет современной мхатовской техникой и в то же время он продолжает одну из важнейших традиций русского «домхатовского» театра.

Добронравов знает секрет так называемого «нутра». Но актер «нутра» и актер техники — это не два уживающихся в Добронравове художника. Всегда, в любой роли он превосходно владеет техникой и сохраняет тот внутренний пафос, чистый актерский темперамент, который называется «натуром». Это тем более ценно, что у многих даже незаурядных мастеров сцены актерская техника вытравляет «натур». Константин Сергеевич Станиславский часто говорит, что если в игре актера раскрылось его «натуро», если у него «поплыл» мощный поток темперамента, надо забыть о системе, о технике... Добронравов никогда о ней не забывает, ибо она у него никогда не подменяет внутренний пафос.

Добронравов актер характерного амплуа, но отнюдь не в обычном понимании этого слова. Есть актеры, которые ловко делают внешний рисунок роли, до неузнаваемости меняют на сцене свои манеры, свой голос. Это крайне нужно для эпизодических, жанровых ролей, но создать сложный образ только такими приемами нельзя. В частности в этом причина большинства неудач актрисы Глизер. Она вместо темперамента, которого у нее не хватает, тщательно ищет черты внешней характерности, доведенные иногда до шаржа.

Характерность Добронравова особого свойства. Добронравов не копирует действительность, хотя острая наблюдательность и богатый внутренний опыт лежат в основе его творчества. Не переставая ни на минуту быть самим собою, не изменяя своей индивидуальности, Добронравов быстро, порой молниеносно, чуть ли не с первой репетиции умеет настолько сжиться с образом, что на все уже глядит глазами своего героя. Такое мастерство актерского перевоплощения встречается редко.

Добронравов в старое время был бы причислен к амплуа «рубашечного героя». Любовников ему бы не поручали играть. Героев он играл бы только в русском репертуаре. Фактически он это делает и сейчас, но воспитанный культурнейшим театром страны в совершенно отличных от времен Островского условиях, Добронравов показал себя одним из самых ярких и талантливых исполнителей советских героических ролей. Потому ему так удаются роли «социальных героев», что он настоящий характерный актер. Это не должно звучать парадоксом. Именно потому, что характерность Добронравова основана не на внешнем копировании действительности, а на раскрытии внутреннего содержания образа, он в каждой новой роли легко и с актерским тактом находит самое характерное, самое главное.

Актер, создающий образ, обычно всегда связан поставленной перед ним задачей, законами актерской техники лишают его необходимой внутренней свободы. В малых эпизодах это не мешает актеру, в больших ролях это часто сводит на нет всю его работу. Покойный Петровский был блестящим мастером эпизодических